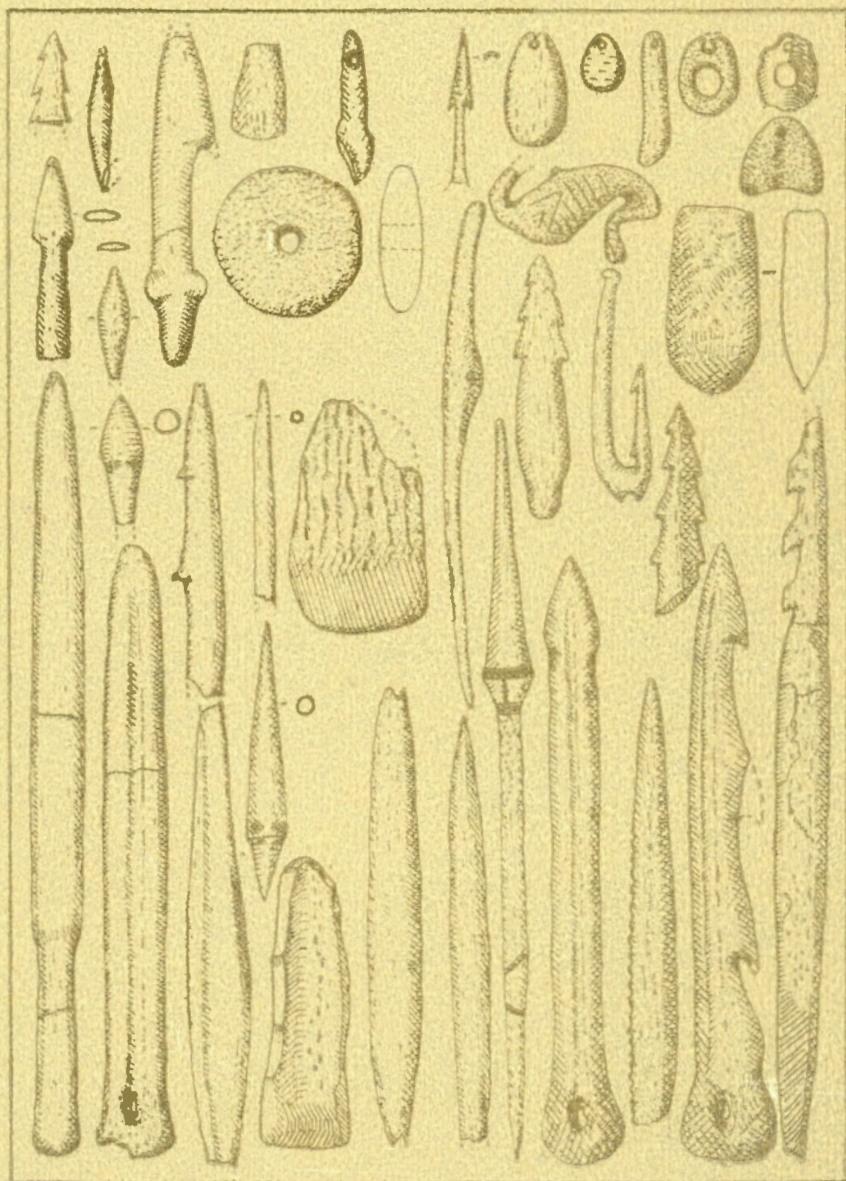

Древности Литвы и Белоруссии

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР

Древности Литвы и Белоруссии

Вильнюс „Мокслас” 1988

экономок поместий, определяющим власть на какую-то часть состояния, а возможно, и семьи⁴⁴.

С одеждой тесно связаны некоторые виды оружия и орудия труда. Прежде всего это касается ножей, которые до середины XVI в. носили и женщины, и мужчины, и дети. Только в редких случаях ножи обнаруживаются в кошельках, чаще всего — в кожаных ножнах, привязанных к поясу. Уже давно высказана мысль, что ножи в украшенных бронзой ножнах следует трактовать не только как оружие или орудие труда, но и как своеобразное украшение одежды⁴⁵.

То же самое можно сказать о мечах и топорах — чисто мужском погребальном инвентаре. Некоторое время существовало мнение, что меч, во всяком случае в XV—XVI вв., был знаком отличия боярина, а топор — крестьянина⁴⁶. Как меч, так и топор, также становился своеобразным украшением. С топорами крестьяне ходили на все праздники, участвовали в разных турнирах, топор применялся в некоторых свадебных обрядах⁴⁷, ему придавалось порой магическое значение⁴⁸. Это было время, когда крестьянин без топора не выходил из дома. Судебные протоколы Шяуляйской земли XVI в. свидетельствуют о том, что иногда из-за этого происходили бессмысленные кровавые инциденты⁴⁹.

Уместно отметить, что топор или меч не всегда обозначал социальное положение его хозяина — в могильнике Якштайчяй исследовано погребение XV в., в котором обнаружены и меч, и топор⁵⁰. Такие погребения исследованы и в нескольких других местах Литвы⁵¹. Нельзя, конечно, забывать о том, что в XV в. жемайтское боярство дробилось на множество категорий⁵². Иногда, по-видимому, отличить боярина от крестьянина было очень трудно. И не только по тем вещам, которые он носил, но и по его положению в тогдашнем обществе.

⁴⁴Urbanavičius V. Rumšiškėnai... P. 24—25.

⁴⁵Urbanavičius V. Laidosena Lietuvoje XIV—XVII amžiais // MADA. 1966. T. 3. P. 113.

⁴⁶Там же.

⁴⁷Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa. T. 1. S. 396—397.

⁴⁸Kriauza A. Vėikiai ir jų auginimas Kupiškio apylinkėje. Gimtasai kraštas. Šiauliai, 1943. Nr. 31. P. 209.

⁴⁹Lebedys J. Lietuvių kalba XVII—XVIII a. viešajame gyvenime. V., 1976. P. 211.

⁵⁰Urbanavičius V. Jakštaičių senkapis. P. 127—128.

⁵¹Gabriūnaitė K. Iš amžių glūdumos. P. 12. Pav. 6; Volkaitė-Kulikauskienė R. Krūminių senkapis // Lietuvos archeologija. V., 1979. T. 1. P. 116—117; Čėsnys G., Urbanavičius V. Dikturų (Anykščių raj.) senkapis // 1976—1977 metais. V., 1978. P. 195—197.

⁵²Gudavičius E. Šlėktų atsiskyrimas nuo bajorų Lietuvoje XVI a. // MADA. 1975. T. 2. P. 97—105; T. 3. P. 65—73.

Восстановленный по сохранившимся в водном погребении остаткам ткани и аксессуарам костюм не может быть принят за эталон одежды населения определенной эпохи или определенной территории, даже одной местности. Он остается одеждой конкретного человека. Ни в Литве вообще, ни в каком-нибудь конкретном могильнике Жемайтии не существует двух погребений, в которых найден абсолютно одинаковый комплект украшений. Это означает, что даже при одинаковом крое одежда отличалась по ткани, цвету или узору. Если комплекты украшений, одинаковые или сходные, они отличаются друг от друга компоновкой, сочетанием с одеждой.

В середине XVI в. в истории литовской одежды произошел определенный перелом, по ряду причин вышли из моды металлические украшения. Прежде всего, по нашему мнению, это было вызвано тем, что во время реформации и контрреформации велась беспощадная борьба с древними дохристианскими обычаями крестьян, а металлические украшения связывались с язычеством. Кроме того, закрепощение и обнищание крестьян затрудняло приобретение металлических украшений, которые стали поставляться из городов и были дорогими. Приобрести их могли только самые состоятельные крестьяне. Так, одежда крестьян осталась без металлических украшений и на рубеже XVII в. соответствует известным по этнографическим материалам.

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА — „АЛКВЕТЕС” В МОГИЛЬНИКЕ ПАГРИБИС ШИЛАЛЬСКОГО РАЙОНА

Л. Вайткунскене

Грунтовый могильник Пагрибис находится на левом берегу р. Акмяна, левого притока р. Юра, которая вливается в Нямунас. На территории памятника в 1980—1982 гг. ИИ АН ЛитССР проводил раскопки (под руководством автора)¹. На площади 1195 кв. м вскрыто 217 погребений V—VI вв., характерных для носителей культуры жемайтов. Кроме того, между рядами могильных ям обнаружены остатки двух очагов, рассмотрению которых и посвящается настоящая статья. До сих пор материалы такого рода не получили должного освещения в литературе.

¹Вайткунскене Л. Раскопки могильника Пагрибис // АО 1980 года. М., 1981. С. 352—353; Вайткунскене Л. Раскопки в д. Пагрибис // АО 1981 года. М., 1983. С. 367; Вайткунскене Л. Могильник Пагрибис // АО 1982 года. М., 1984. С. 380—381.

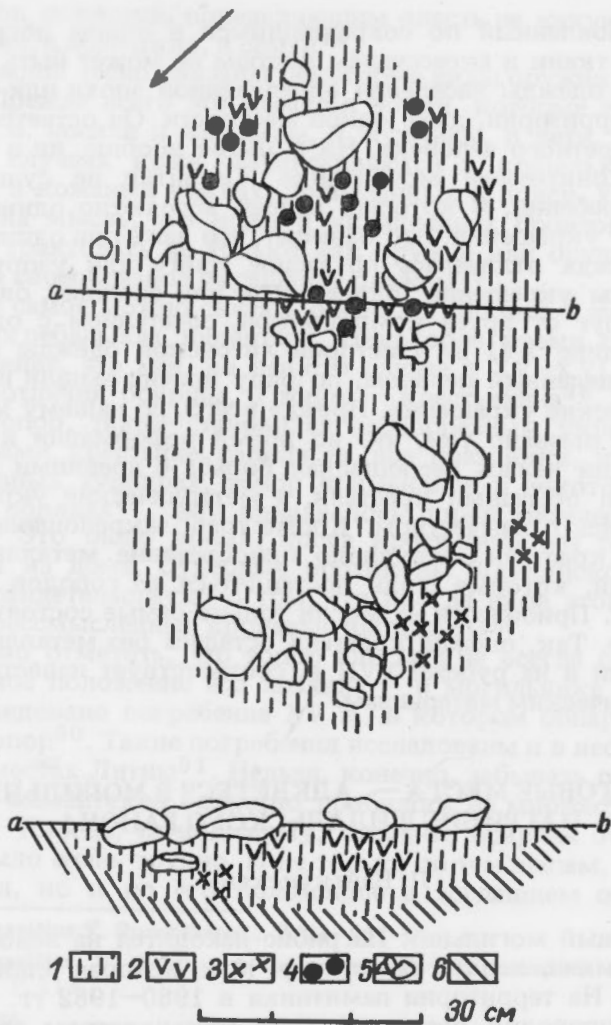

Рис. 1. План и разрез очага № 2: 1 — земля с продуктами горения, 2 — керамика, 3 — кости животных, 4 — угли, 5 — камни, 6 — песок

Очаг № 1. В раскопе № XII кв. В-5, 6 на глубине 0,35—0,4 м (от поверхности почвы) в песчаном грунте вырисовывались остатки нижних слоев очага в виде округлой площадки диаметром 1,2 м. Со всех сторон, словно кольцом (шириной 0,05—0,25 м) ее окружала глина, принесенная со стороны. Глина явно обожженная. Вся остальная часть площадки заполнена темной, местами обожженной землей, смешанной

с кусками угля, черной сажей, недогоревшими кусками дерева. На поверхности площадки в хаотичном беспорядке сохранились 6 небольших (от 0,12x0,08x0,07 до 0,2x0,11x0,1 м величины) камней, почерневших будто от дыма. Толщина слоя земли с продуктами горения достигала 0,2—0,25 м. В нем повсеместно встречаются обломки керамики, фрагменты обгоревших костей животных. Нет никакого сомнения, что это остатки открытого очага.

Вследствие разрушений при вспашке земли полная реконструкция очага затруднена. Однако установлено, что очаг представлял собой углубление округлой формы в материковом песке. Сверху оно было диаметром около 1,2 м, по дну — 0,65—0,7 м. Глубина ямы от современной поверхности — 0,55—0,57 м. Основание и стены ее ограничены глиняной обкладкой. Сохранившиеся отдельные камни, возможно, служили для сооружения, предназначенного для посуды. По-видимому, в ней содержалась пища, о чем свидетельствуют находки костей животных. Не сохранилось ни одного целого или раздавленного сосуда. Создается впечатление, что после использования сосуда были преднамеренно разбиты, ибо черепки найдены в отдалении от очага.

Очаг № 2. В раскопе № XXVIII кв. А, В-2, 3 на глубине 0,25 м (от поверхности почвы) обнаружены остатки другого очага слегка вытянутой овальной формы, окруженного каменной оградкой диаметром 0,65x0,95 м (рис. 1). Камни различной величины (0,1x0,07x0,06—0,24x0,19x0,17 м). При вспашке земли каменный венец сильно поврежден. Лучше сохранилась лишь юго-восточная его часть. У наружной стороны каменного дуга обнаружена часть конского черепа и обломки ножной кости (рис. 2). Внутри была темная земля с довольно крупными вкраплениями угля, с небольшими кусками головней, с сажей. Толщина слоя земли с остатками кострища достигала 0,1—0,12 м. В нем встречались черепки битых сосудов, отдельные обгоревшие кости животных.

Хронология и назначения очагов. Время функционирования очагов определяется находками частично сохранившейся керамики. Ее представляют обломки 9 гончарных горшков, из которых 5 обнаружены в очаге № 1, остальные — в очаге № 2. Полностью восстановлено 3 горшка, так как от других остались лишь фрагменты днища или отдельные черепки от устья, плечиков сосуда.

Горшки имеют более или менее отогнутый венчик, широкое горло и хорошо выраженные плечики (рис. 3). Поверхность горшков украшена волнистым и линейным орнаментом. Высота сосудов — от 22,5 до 24 см, диаметр устья — от 18,4 до 19,3 см, диаметр доньшек — от 9 до 14 см. Поверхность наружной и внутренней стенки большинства черепков покрыта сажей.

Рис. 2. Остатки каменной оградки очага № 2 in situ. У наружной стороны — часть конского черепа

По форме венчика, профилировке и орнаменту посуды известны ближайшие аналогии в керамическом материале погребальных памятников XIV—XVI вв., а также в культурном слое городищ того же времени².

²Волкайте-Куликаускаие Р. К. Земледелие в Восточной Литве в XIII—XV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. Рис. 2; Даугудис В. Городище Саугиняй // Статья помещена в данном сборнике. Рис. 3:1; Volkaitė-Kulikauskienė R. Punių piliakalnis. V., 1974. Pav. 16:1; Kulikauskienė R. Ką slepia Kernavės piliakalnis // Mokslas ir gyvenimas. 1984. Nr. 3. Pav. 4; Sadauskaitė-Mulevičienė I. Lietuvos X—XVI amžių kapinynų keramika // MADA. 1965. T. 2. Pav. 7, 9; Urbanavičius V. Rumšiškėnai XIV—XVI amžiais: Acta Historica Lituanica. V., 1970. Pav. 10.

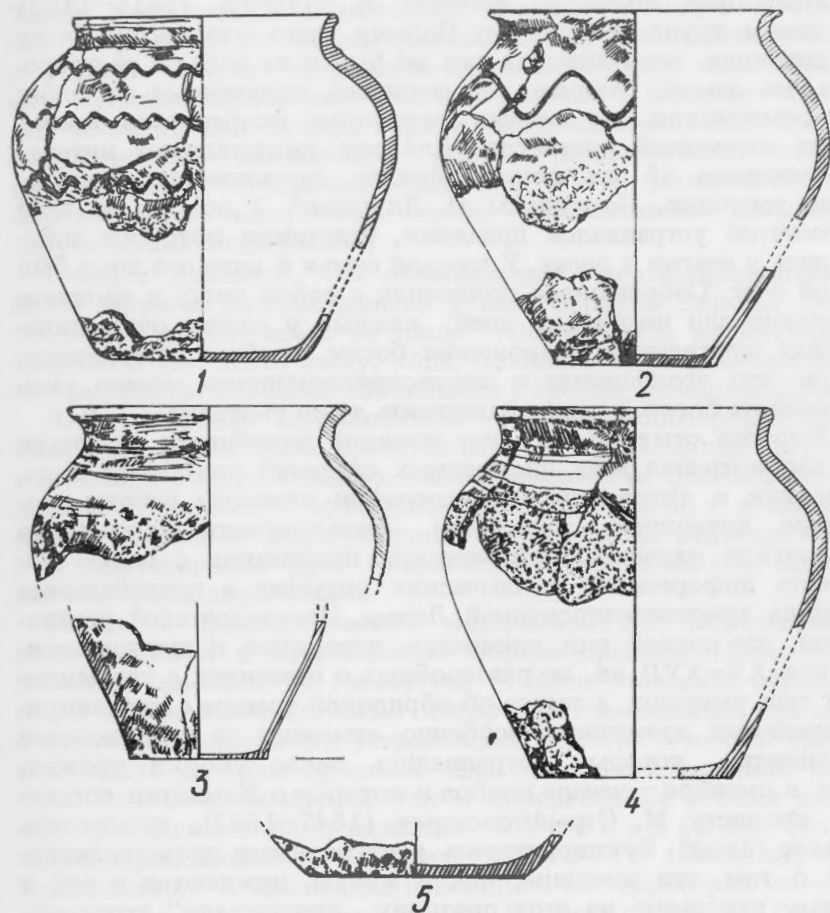

Рис. 3. Керамика, найденная в очагах: 1, 4, 6 — из очага № 2; 2, 3, 5 — из очага № 1

Следовательно, между рассматриваемыми очагами (XIV—XVI вв.) и вскрытыми погребениями (V—VI вв.), расположенными вокруг них, существует большой хронологический разрыв.

Естественно, возникают вопросы — по каким причинам и с какой целью на территории древнего могильника сооружались очаги, зажигался огонь? Найти ответы на выдвинутые вопросы помогают данные письменных источников XV—XVII вв., а также этнографические исследования.

Известный польский историк Я. Длугош (1415—1480) в своем труде по истории Польши часто упоминает Литву и литовцев, хотя никогда там не был и не знал ни ее природы, ни людей. Опираясь на сведения, полученные от своих современников, он описал некоторые особенности языческих верований жемайтов. Для нас представляют интерес упоминания об языческих обрядах, посвященных поминанию умерших. По словам Я. Длугоша³, 1 ноября во всей Жемайтии устраивался праздник, участники которого собирались у очагов в лесах. У каждой семьи и каждого дома был свой очаг. Собравшиеся приносили с собой пищу и напитки. Праздновали несколько дней; каждый у своего очага складывал жертвенные подношения богам, особенно Перкунасу, веря, что угощениями и жертвоприношениями можно умиловать богов, а также накормить души умерших.

Уместно отметить, что нет никакой надобности вдаваться в рассмотрение всех письменных сведений подобного рода, так как в литовской историографии известны работы, которые археологи, этнографы, фольклористы специально посвятили изучению исторических источников с целью получить информацию о языческих ритуалах в погребальном обряде христианизированной Литвы. Исследователи⁴ установили, что целый ряд хронистов, историков и путешественников XV—XVII вв. не раз сообщал о поминках с угощениями душ умерших, а также об обрядовой трапезе с жертвоприношениями животных. Особенно отмечены те поминальные пиршества, которые устраивались после уборки урожая, т. е. в октябре — начале ноября и которые в Жемайтии, согласно хронисту М. Стрыйковскому (1547—1593), назывались ильгес (ilgès)⁵. Руководствуясь религиозными представлениями о том, что умершие, как и живые, нуждаются в еде и питье, крестьяне на этот праздник „приглашали” умерших, приготавливали для них кресло за столом с пищей и напитками. Праздновали три дня, оставляя угощения и на могилах.

Этнографические исследования свидетельствуют о том, что в Литве погребальный культ был тесно связан с аграрным.

³Kraštas ir žmonės: Lietuvos geografiniai ir etnografiniai aprašymai (XIV—XIX a.). V., 1983. P. 45.

⁴Alėikaitė-Gimbutienė M. Pagoniškos laidojimo apeigos Lietuvoje // Gimtasai kraštas. Šiauliai, 1943. P. 58, 69, 74; Vyšniauskaitė A. Laidotuvių papročiai Lietuvoje XIX a.—XX a. pirmaisiais dešimtmečiais // ILKI. V., 1961. T. 3. P. 132—157; Dundulienė P. Lietuvių kalendoriniai ir agrariniai papročiai. V., 1979. P. 139—142; Jonynas A. Lietuvių folkloristika. V., 1984. P. 1—149.

⁵Vyšniauskaitė A. Laidotuvių papročiai... P. 156; Kraštas ir žmonės. P. 72; Dundulienė P. Lietuvių kalendoriniai... P. 140.

Такое переплетение обусловили поверья литовцев о том, что умершие после смерти становятся покровителями полей и усадьбы⁶. Культ предков-покровителей тесно переплетался с культом плодородия — самым важным в аграрных культурах земледельцев. Живые верили, что умершие предки могут содействовать плодородию полей, плодovitости скота, предотвращать стихийные бедствия, и что угощениями и жертвенными подарками можно умиловать предков, заручиться их поддержкой⁷.

Следует добавить, что поминальные жертвоприношения были широко распространены у всех народов Европы. Они состояли прежде всего из пищи⁸. Обычай есть на могилах, оставлять там хлеб, кашу, яйца, поливать могилы молоком, медом, вином особенно соблюдался у греков, римлян, славян⁹.

Как указывают исследователи¹⁰, для мировоззрения земледельцев характерны представления о взаимосвязи загробного мира с миром живых, идея зависимости благополучия, здоровья, успехов в хозяйственной деятельности, т. е. плодородия в целом от мира умерших предков. Очаг считался местом притягивания душ умерших, словно символом неразрывной связи двух миров.

Важность археологических материалов для определения роли поминок в погребальном обряде древней Литвы убедительно доказала М. Гимбутене¹¹. Наше внимание обращает ее заключение, согласно которому поминальная трапеза с жертвоприношениями устраивалась в Литве в любом удобном месте на лоне природы. Для этих целей служили как горы или возвышенности, так и определенные уголки поля или луга. Первые носят название алкакальнис (гора жертвоприношений), а вторые — алквете (место жертвоприношений)¹². Последние известны и на территории могильников, а также недалеко от них. В связи с этим М. Гимбу-

⁶Dundulienė P. Lietuvių kalendoriniai... P. 147.

⁷Vyšniauskaitė A. Laidotuvių papročiai... P. 157; Dundulienė P. Aukos žemei ir deivei Žemynai // Senieji tikėjimai naujesių tyrinėjimų šviesoje. V., 1977. P. 32.

⁸Рикман Э. А. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев М., 1983. С. 180.

⁹Листова Н. М. Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи... С. 166.

¹⁰Покровская Л. В. Земледельческая обрядность // Календарные обычаи... С. 69; Dundulienė P. Namų židinio kultas Lietuvoje // Lietuvos TSR Aukštųjų mokyklų mokslo darbai. Istorija. V., 1964. T. 6. P. 150—151.

¹¹Alėksaitė-Gimbutienė M. Pagoniškos laidojimo apeigos... P. 59.

¹²Там же. С. 65—69.

тене предполагает, что обнаруженные именно в этих местах остатки очагов со следами жертвоприношений можно связать с почитанием умерших и обрядом их кормления. По ее мнению, только в результате принятых церковными властями мер поминки были перенесены в дом¹³. Новые археологические открытия показали, что в Литве в XVII в. собравшиеся на территории могильника люди зажигали огонь, приносили жертвы душам умерших¹⁴.

Принимая во внимание изложенное выше, правомерно предположить, что оба очага, обнаруженные в Пагрибисе, связаны с поминальными, умиловительными обрядами, устраиваемыми в честь умерших предков — покровителей. Так как поминовение покойных членов рода или семьи базировалось на вере в душу и ее загробном существовании, очаги являются объектами культово-религиозного назначения, к каковым относятся „алквете“.

Для отправления религиозных обрядов выбрана территория древнего могильника, где у специально сооруженных очагов (скорее всего предназначенных по одному для каждой семьи и дома) собирались люди, зажигался огонь. Празднество сопровождалось пиром, на котором присутствующие ели мясо жертвенных животных и другую пищу. Все это запивалось напитком, возможно, приготовленным из меда. Во время трапезы еду клали на очаг, совершали возлияния напитка. Все эти действия были направлены на то, чтобы помянуть, почтить умерших, умиловать предков, чтобы они не вредили, а защитили благополучие живых сородичей-потомков.

Примечательно, что ни один из рассмотренных нами очагов не догорел до конца. По-видимому, по завершении поминальной трапезы огонь заливался и забрасывался землей.

¹³ Там же. С. 71.

¹⁴ Urbanavičius V. Ažugirių (Utenos raj.) senkapis // ATL 1976—1977 metais. V., 1978. P. 215.

а) литература:

- АО — Археологические открытия
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
 КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
 НиС — Нумизматика и сфрагистика
 Праць — Праць секцыі археологіі
 ПГКБ — Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
 СА — Советская археология
 САИ — Свод археологических источников
 АЕТЛ — Archeologiniai ir etnografiniai tyrinėjimai Lietuvoje
 АТЛ — Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje
 ІЛКІ — Iš lietuvių kultūros istorijos
 MADA — Lietuvos TSR Mokslų Akademijos darbai, A serija
 WN — Wiadomości Numismatyczne

б) учреждения:

- АОАИИ — Архив Отдела археологии Института истории АН БССР
 ВГУ — Белорусский гос. университет
 ИИАИ — Институт истории АН
 ИКП — Институт консервации памятников Министерства культуры ЛитССР
 СНРПМ — Специальные научно-реставрационные производственные Мастерские Министерства культуры БССР
 ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

СОДЕРЖАНИЕ

ЭПОХА КАМНЯ	3
Гутовский А. М. Мезолитическая стоянка Цыгановка в Среднем Понеманье	3
Цыкунова Н. В. Основные черты мезолита Восточного Полесья ..	7
Ксензов В. П. Мастерская каменного века у г. Орши	12
Кривальцевич Н. Н. „Уточка“ в верованиях неолитических племен Белоруссии	18
Зайковский Э. М. Этапы развития неолита Северной Белоруссии	23
Юодагальвис В. Исследование каменного века в Литовском За- неманье	29
Гириинкас А. Позднеарварская культура в Восточной Литве	37
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК	51
Даугудис В. Городище Саугиний	51
Залашко Г. М. Городище „Бесовая гора“ возле д. Хоромск Сто- линского района	59
Егорейченко А. А. Пряслица и грузики Иваньского городища ...	64
Лошенко М. И. Укрепления городища Ястребка	71
Казакявичюс В. Редкая форма наконечников копий на террито- рии Литвы	79
РАИНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА	89
Лухтан А., Ушинскас В. К проблеме становления Литовской зем- ли в свете археологических данных	89
Дучиц Л. В. Курганный могильник у д. Лесная Миорского района ..	104

Плавинский А. Н. Курганный могильник у д. Колосы	110
Соболь В. Е. Основные этапы заселения территории феодального Минска	115
Колединский Л. В. Транспортные средства Витебска XII—XVII вв.	119
Бубенько Т. С. Стеклопосуда из Витебска	125
Бектинеев Ш. И. Пражский грош в денежном обращении Велико- го Княжества Литовского (XIV в.)	130
Каталинас К. Вильнюсские пластинчатые изразцы XVI—XVII вв. с „кованным” орнаментом	135
Кравцевич А. К. Исследования в г. п. Мир Гродненской области	141
Зданович Н. И. Неполиванная посуда Мирского замка	145
Чернявский И. М. Пинский коллегийум (по материалам археологи- ческих исследований)	149
Урбанавичене С. Одежда жемайтов в XV—XVI вв. (по данным ар- хеологии)	156
Вайткунскене Л. Культовые места — „алкветес” в могильнике Пагрибис Шилалского района	167
Сокращения	175

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН ЛИТОВСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН БЕЛОРУССКОЙ ССР
ДРЕВНОСТИ ЛИТВЫ И БЕЛОРУССИИ

Сборник статей

Научные редакторы: Л. Д. Поболь, А. З. Таутавичюс
На русском языке. Вильнюс, „Мокслас”, 1988

LIETUVOS IR BALTARUSIJOS SENIENOS

Straipsnių rinkinys

Redaktorė L. Čiornaja. Dailininkė V. Kuraitė. Meninė redaktorė V. Kuraitė.

Techninė redaktorė N. Mazurkevičienė.

Korektorės T. Lazutkina, N. Kvedorelienė

ИФ № 2773

Подписано в печать 24.06.87. ЛВ 17306. Формат бумаги 60x90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура „Сенчури”, 10 пунктов. Печать офсет-
ная. Усл. печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 11,5. Тираж 1000 экз. Заказ 333. Це-
на 1,90 рб. Заказное. Издательство „Мокслас”. 232050. Вильнюс, ул.
Жвайгджю, 23. Отпечатно в типографии им. Мотеюса Шумаускаса.
232600, Вильнюс, ул. А. Страдялиса, 1.